

Русский язык в нациестроительстве современной России

В.Н. Лексин

Постановка проблемы

Первостепенное значение *лингвистической консолидации* людей в процессах нациестроительства заслуживает специального междисциплинарного исследования, но по ряду обстоятельств в наше время эта проблематика оказалась на периферии научных интересов историков, этнологов, социологов и экономистов, изучавших разные грани жизни давних и современных наций. К счастью, эту исследовательскую лагуну блестяще восполнили лингвисты и филологи, оказавшиеся и наиболее активными в оценке последствий различных трансформаций языка для функционирования мегаобществ.

Замечу, что смысл и многообразные функции слова занимали ученых с самого начала зарождения науки, но никогда еще языковая проблематика не была столь актуальной, как в наше время. Язык стал важнейшим предметом философского мейнстрима, в первую очередь герменевтики, структурализма и постструктурализма, структурного психоанализа, аналитической и постаналитической философии. Не в последнюю очередь в связи с теоретическим переосмыслением знаковой сущности слова стало возможным создание таких оснований индустриального, постиндустриального и информационного обществ, как тотальная компьютеризация, как все виды IT-технологий, как Интернет и начавшееся использование разработок в сфере искусственного интеллекта. Слово обрело новую и совершенно самостоятельную жизнь в социальных сетях принципиально новых глобально-виртуальных сообществ. Неудивительно, что литература по языковой проблематике — обширна, и в ней при небольшом усилии несложно найти много прямых сопряжений с тематикой настоящей статьи. В связи с этим не могу не назвать в ряду прочитанных в разное время публикаций недавно переизданную монографию Т.Б. Радбиля о языковом менталитете¹, собрание статей Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева о русской языковой картине мира² и только что изданную монографию С.Г. Кара-Мурзы и О.В. Куропаткиной о проблемах нациестроительства в современной России³.

Связующее значение языка для консолидации крупных и тем более многоэтнических сообществ не требует доказательств, но действительная его роль в

¹ Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. 328 с.

² Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.

³ Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. Нациестроительство в современной России // М.: Научный эксперт, 2014. С. 118–121, 258–263.

этом процессе не ограничивается одними коммуникативными функциями: он не только связывает людей, но и фиксирует сущностно близкие константы их мировидения — важнейшее условие национального сосуществования. Язык, по прекрасному определению В.В. Бибихина, есть «первичная наиболее естественная и общедоступная репрезентация мира... Язык срощен с интуитивно-практическим познанием мира (до-сознательным ощущением возможностей), исходным знанием человека»⁴.

Пиетет перед словом издревле был связан с его сакральностью⁵, но со временем ученые выявили и другие, не менее существенные зависимости жизни общества от его языка. Почти двести лет назад всемирно известный лингвист В. фон Гумбольдт в большом теоретическом предисловии к труду «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» об одном из языков народов о. Ява писал: «Язык есть не продукт деятельности, а деятельность... Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать звук пригодным для выражения мысли... Он не просто является, как обычно утверждают, отпечатком идей конкретного народа... Он есть совокупная духовная энергия народа... мир, в котором мы живем, есть... именно тот мир, в который нас помещает язык, на котором мы говорим... Язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга и последовательно один за другой, а составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальной способности... язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное». И далее: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка»⁶. Позже американский лингвист Б.Л. Уорф писал: «Мы расчлняем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы — участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию... Это соглашение, разумеется, никак и никем не сформулировано и лишь подразумевается, и тем не менее мы — участники этого соглашения; мы вообще не сможем говорить, если только не подпишемся под систематизацией и классификацией материала, обусловленной указанным соглашением»⁷. Естественно, что это суждение — лишь гипотеза, но, как мне представляется, весьма правдоподобная.

Нация существует до тех пор, пока ее главные основания — язык, отношение людей к фундаментальным ценностям, ментальность, религиозное чувство — сохраняют свою особость и находятся в относительной гармонии. И самое пос-

⁴ Бибихин В.В. Язык // Новая философская энциклопедия, т. 4. М.: Мысль, 2010. С. 505–507.

⁵ Человек издавна ощущал себя только со-творцом «божественного глагола». В Древнем Египте Птах одновременно создавал и словесно обозначал каждую вещь. В одном из гимнов Ригведы именно слово вызывает к жизни богов и создает мир. «В начале было Слово», — говорит евангелист. И в христианской традиции Иисус Христос часто именуется Словом.

⁶ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. М., 1984. С. 78–81.

⁷ Уорф Б.Л. Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1960. Вып. 1. С. 5–31.

тоянное среди этих оснований — язык. «Мы живем, — пишет Т.Б. Радбиль, — в культурной среде, в культурной оболочке нашего языка. Язык незаметно для нас пронизывает все области нашего опыта взаимодействия с внешним миром и все попытки заглянуть в себя, он незримо присутствует в нашей сфере ценностей и системе жизненных установок, определенным образом окрашивая и интонируя нашу познавательную и ориентационную деятельность по отношению к экстралингвистической реальности. Неслучайно выдающийся философ А. Хайдеггер назвал язык “домом бытия”, тогда как традиционный взгляд на вещи вроде бы предполагает обратное — “бытие есть дом языка”»⁸. «Дом бытия», участвовавший в становлении русской цивилизации и российской национальной государственности и ставший их важнейшим атрибутом, — это русский язык со всеми его диалектами, иноязычными заимствованиями, книжными и церковнославянскими включениями, жаргонно-сленговыми новациями.

Существенно то обстоятельство, что посредством русского языка не только обеспечивается сама возможность внутринационального общения членов и институтов многоэтнического и полилингвистического российского общества, но и происходит распространение особенностей русского языкового менталитета, русской языковой картины мира и русской аксиоматики. Посредством русского языка российская нация обретает своеобразную «русскость». Это — одно из интереснейших направлений исследования нациестроительства, и на ограниченном текстовом пространстве настоящей статьи я постараюсь хотя бы фрагментарно наметить контуры такого исследования и охарактеризовать главные проблемы функционирования русского языка в пространстве России.

Русские языковой менталитет и языковая картина мира

В уже цитированной книге о языковом менталитете Т.Б. Радбиль определяет его как «национально-специфический способ знакового представления знания о мире, системы ценностей и моделей поведения, воплощенный в семантической системе национального языка». Он пишет также, что «в духе А. Вежбицкой (известного лингвиста, одна из книг которой, изданная в России в 1996 г., называется «Язык. Культура. Познание». — В.Л.) можно предложить совсем лапидарное определение, которое тем не менее «схватывает» всю суть этого феномена: «языковой менталитет — это наш способ жить, думать и разговаривать». Распространение русского языка становится в связи с этим и своеобразным распространением в многоэтническом российском мире русского «способа жить, думать и разговаривать».

Языковой менталитет применительно к русскому языку определяется заложенными в лексико-грамматический строй языка архитипичными по сути словами-образами русского мира; это — ярчайшая характеристика индивида и этноса, что хорошо знают писатели (вспомним речь персонажей Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, А.Н. Островского или М.М. Зощенко). Современный исследователь аргументировал в связи с этим целесообразность установления такого понятия, как «языковая личность», выделив в ее структуре три уровня: вербально-

⁸ Радбиль Т.Б. Указ. соч. С. 20.

семантический (исходный, но главный), лингво-когнитивный (ответственный за индивидуализацию познавательной энергии личности) и мотивационно-прагматический (определяющий языковую деятельность в связи с мотивациями конкретной деятельности человека)⁹. В свою очередь, Т.Б. Радбиль замечает, что третий из названных Ю.Н. Карауловым уровень языковой личности «представлен особой *сетью коммуникативных потребностей*, с ним связаны вкусовые предпочтения, излюбленные модели высказываний, прецедентные тексты, используемые личностью, разнообразные эмоциональные и оценочные коннотации, субъективная модальность и пр. Этот уровень является источником языковой активности личности, поскольку воплощает ее духовный мир, своего рода самоопределение личности в мире»¹⁰. Исследование процесса («схемы») складывания языкового менталитета представлено в монографии О.А. Корнилова¹¹, который находит в *общерусском языковом типе* «такие системно-структурные черты языкового строя, которые, будучи пронесены через историческое время и эволюционируя в нем, т. е., меняясь в сторону усложнения, некоторым инвариантным образом преломляются в сознании носителя языка и позволяют ему ... опознать “русскость” какого-то текста, той или иной фразы, конструкции или отдельного слова»¹².

Языковой менталитет при всей его устойчивости способен адаптационно изменяться, особенно под воздействием изменившейся среды существования народа. Но адаптационные возможности языкового менталитета не безграничны и, как пронизательно заметил в конце прошлого века В.В. Колесов, «к сожалению, сегодня во многом наше мыслительное пространство искривлено неорганическим вторжением чужеродных ментальных категорий. Возможно, в будущем и они войдут в общую систему наших понятий, пополняя, развивая менталитет и язык. Однако рачительное и критическое отношение к этому процессу требует компетентности и осторожности»¹³. Добавлю к этому, что «неорганическое вторжение чужеродных ментальных категорий» за двенадцать лет, прошедших после публикации В.В. Колесова, приобрело новую силу и сейчас многие эксперты говорят уже не об «искривлении», а об «угрожающей деформации» при полном отсутствии «компетентности и осторожности». И это отнюдь не способствует задаче российского национал-реконструкции.

В числе рассматриваемых лингвистических проблем национал-реконструкции в современной России особое место занимает вопрос о формировании и распространении *русской языковой картины мира*. Определенная общность картины мира, по моим наблюдениям, малоизученное, но непременно связующее мегаобществ — этносов, народов, наций, цивилизаций. Для этого наиболее существенны такие свойства картины мира, как образность, наличие устойчивой

⁹ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 37–58.

¹⁰ Радбиль Т.Б. Указ. соч. С. 67.

¹¹ Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национального менталитета. М., 2003. С. 124–125.

¹² Замечу, что когда я учился в школе, пример обнаружения такой «русскости» нам предлагали в форме знаменитой фразы академика Л.В. Щербы: «глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка».

¹³ Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. СПб.: Златоуст, 1999. С. 91.

системы ценностей и сложная структура прямых и обратных связей с мировоззрением и менталитетом. В русской «картине мира» наглядно проявляется этно-национальная (более широко — цивилизационная) опосредованность специфически русского воззрения на мир и вкорененная в русский менталитет особенность языкового мышления. Автор теории языковой концептуализации мира пишет, что в «каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка. При этом образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира»¹⁴. Добавлю, что такие «отличия» не делают образную картину мира ущербной по отношению к научной картине мира; первая — действительно несколько иная и при этом более целостная и «очеловеченная».

Суть языковой картины мира хорошо охарактеризована Анной А. Зализняк: это — «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, “дискурсивных” слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов или предписаний»¹⁵. Совокупность подобных представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая исподволь *навязывается в качестве обязательной* всем носителям языка. Но почему говорящий на данном языке должен непременно разделять эти взгляды? «Потому что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка и тем самым не входят в общий фонд представлений, формирующий языковую картину мира»¹⁶. Эту позицию уточняет О.А. Корнилов: «Национальная языковая картина мира является результатом отражения коллективным сознанием этноса внешнего мира в процессе своего исторического развития, включающего познание этого мира. *Внешний мир и сознание* — вот два фактора, которые порождают языковую картину мира любого национального языка»¹⁷.

Специалисты давно обратили внимание и на *аксиологический* (ценностно ориентированный) характер русской языковой картины мира. Среди множества проанализированных ими слов (совесть, свобода, воля и др.) и специфических способов слововыражения симптоматично отмеченное О.А. Корниловым

¹⁴ Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Сб. научн. статей. М.: Наука, 1986, вып. 28. С. 5–33.

¹⁵ Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы её представления. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 206–207.

¹⁶ Там же. С. 9.

¹⁷ Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национального менталитета. Изд. 2-е. М.: Че-Ре, 2003. С. 180–181.

«неприятие какой бы то ни было жесткой регламентации, строгой иерархии в отношениях, некий нигилизм проявляются не только в неопределенности лексического оформления статусных отношений между людьми, но и в пронизывающем все и вся духе иронии и самоиронии. Русские склонны к шутке, иронии, самоиронии и подначке по своей природе, и это может проявиться даже в серьезной обстановке переговоров».

Приведу пример выполненного А. Вежицкой сопоставления распространенности словесного выражения одних и тех же понятий в английском и русском языках. В специальных словарях, например, частотность английского слова *homeland* равна 5, тогда как частотность русского слова *родина*, переводимого в словарях как «*homeland*», составляет 172. Различие в 30(!) раз, видимо, не требует комментариев. Показательны и результаты анализа А. Вежицкой таких «ключевых слов» русской языковой картины мира, отразившейся в нашей культуре, как «судьба» и «душа». Она пишет, что «такие ключевые слова в русском языке подобны свободному концу, который нам удалось найти в спутанном клубке шерсти: потянув за него, мы, возможно, будем в состоянии распутать целый спутанный “клубок” установок, ценностей, ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в распространенных сочетаниях, в устойчивых выражениях, в грамматических конструкциях, в пословицах и т. д.»¹⁸. Из таких ключевых понятий и складывается аксиологический каркас русской языковой картины мира, становящейся благодаря распространению русского языка относительно общим вербальным образом мира не только русского населения страны.

Русский язык и глобальный английский

Глобализационный вызов цивилизационному и национально-этническому разнообразию не мог не распространиться и на языковую сферу, причем англо-американское обличье глобализма вполне естественно сделало его языком — английский. Это язык Интернета и бизнеса (на английском ведутся три четверти всех переговоров по международным сделкам), рекламы и политики, кино и образования, науки и туризма. В самых престижных вузах России чтение лекций и проведение семинаров на английском языке стало заурядным явлением. Десятки тысяч русских юношей и девушек получают высшее (или послевузовское образование) за рубежом, где все преподавание ведется на английском. После научных журнальных публикаций и в конце научных изданий принято давать аннотации (или Summary) на английском языке. Становятся англоязычными научные издания самых разных стран: считается, что это делает их доступными большему числу потенциальных читателей, а значит и более тиражными. В начале XX в. число публикаций по естественным наукам и математике на немецком, английском и французском языках было примерно равным (доля публикаций на русском в этот период не превышала нескольких процентов, но к семидесятым годам прошлого века составила более 20%), к концу же столетия доля научных

¹⁸ Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. (пер.с англ.). М.: Языки русской культуры, 1999. С. 279. Замечательные примеры такого рода представлены А. Вежицкой в книге «Язык. Культура. Познание». М.: Русские словари, 1997.

публикаций на английском превысила 90%! Неудивительно, что даже в русскоязычных научных текстах основные термины все чаще параллельно сопровождаются англоязычными эквивалентами. Английский для бытового общения употребляют почти все, не знающие языка друг друга. Все больше сфер человеческой деятельности требует хотя бы элементарного знания английского языка.

Сегодня обильные включения англицизмов в русский язык вызывают у его ревнителей немалые опасения. Однако все дело лишь в уместности и в норме, поскольку со времени первых контактов (торговых, военных) народов и этносов вместе с новыми товарами (землями, пленными) появлялись и новые слова, и сейчас, вероятно, нет ни одного народа, который не включил бы в свою речь иностранные (инорегиональные) слова в их первоизданном или в переименованном виде.

Ни один язык в мире, особенно язык великого народа, никогда не страшился иноязычных заимствований, хотя в немалом числе стран с особой настороженностью относятся к *агрессивности и концентрации* таких заимствований. В современной же России языковая ситуация именно такова, и связана она в первую очередь с освоением азов (в том числе и лексических) все еще иностранной для России рыночной экономики и с вестернизацией государственной политики и государственного устройства. Многие слова, утратив свое первоначальное позитивное начало, были переосмыслены в негативные; таковы, например, *пиар* и *лоббирование*. Не менее важно и то обстоятельство, что указанные перемены совпали с лавинообразным распространением англоязычного пользователями Интернета и жителей Сети. Миллионы граждан России стали говорить, а следовательно думать, на сетевом диалекте — смеси англоязычных терминов, их русифицированных вариантов, глагольных форм и т. п.¹⁹

Погубят ли англицизмы и интернет-сленг русский язык? Останется ли русский одним из мировых языков и официальным (рабочим) языком ООН и крупнейших международных организаций или ему суждена судьба превращения в один из местных «неанглийских»? Доктор филологических наук, проректор по научной работе Московского института лингвистики в обстоятельной статье на эту тему пишет: «Значительное число ученых описывает ситуацию при помощи пессимистических метафор: английский — *язык-убийца, язык-тиранозавр, язык-кукушонок в гнезде языков* и даже *лингвистический геноцид, лингвистический империализм, преступления против человечности в области образования* и т. д.»²⁰ Автор приводит слова Деборы Камерон о том, что повсеместно происходит насаждение единых норм общения, жанров и стилей речи под предлогом того, что они дают максимальный «эффект» коммуникации. На деле же *насаждается* не

¹⁹ Это свойственно не только русскому языку. Дети и подростки, люди любых профессий и гасбарбайтеры разных стран мира все более используют английский как жаргон бытового общения, как профессиональный язык (программисты и компьютерщики), как символ сопричастности иной, по их разумению, более высокой культуре. Распространяются и обратные языковые «инфекции» и здесь чаще всего не до диалектных тонкостей и языковых эквивалентов: формируются удивительные квази-языки. Изысканность *bilinqua* вытесняется варварской смесью *Franglais, Spandlish, Chinglish* и даже *Runglish*.

²⁰ Кирилина А. Глобализация и судьбы языков. Останется ли русский — великим и могучим // Литературная газета, 8–14 февраля 2012.

чужой язык, а чужой взгляд. Дело не в разнообразии языков, а в разнообразии и даже несоизмеримости воплощенных в них картин мира. А. Кирилина обращает внимание и на то, что «образовательная политика практически во всех странах обнаруживает явный уклон в сторону английского. В первые 2000-е гг. в Российской Федерации также наблюдалось сокращение числа изучающих какой-либо неанглийский язык — как в школах, так и в вузах. А в 2007 г. (кстати, объявленном Годом русского языка) в Москве была повышена зарплата учителям английского». «Почти во всех европейских странах, — пишет А. Кирилина, — государственные лингвистические учреждения, официальная лингвистика, как правило, настаивают на “нормальности”, закономерности и — за редким исключением — отрицают трагизм или негативный характер происходящих в языке изменений... За рассуждениями такого рода стоит идеология глобальных монополий, для которых важно “свободное движение людей и капиталов”. Национальные границы и территории — препятствие для глобализационной политики. Не очень нужны ей и национальные языки...

Там, где намерены укрепить сплоченность общности и озабочены проблемами нациестроительства, всегда апеллируют к языку. В различных исторических контекстах он предстает как самой природой данная форма выражения *сообщества*, глубоко укорененная в его культурной, а иногда и в этнической идентичности. Сегодня же все эти идеи объявляются социальными конструктами — продуктом манипуляции — и отбрасываются. Такой подход объясняет и появление многочисленных терминов: “постнациональный”, “наднациональный”, “глобальная идентичность”. Создание глобальной идентичности уже идет и выражается в появлении *метроэтничности* — типажа жителя крупного города, ориентированного лишь на “индивидуальный жизненный проект” с гедонистическим уклоном и не отягощенного национальной идентичностью. Говорит он, разумеется, на английском».

Думаю, что развитие рассматриваемых процессов будет зависеть не столько от объема англо- и интернет-вкраплений в живую ткань русского языка, сколько от того, каковым будет отношение к нашему языку как к опробованному столетиями инструменту нациестроительства, от того, что явят русскоязычным людям и всему миру наши политика, экономика, наука и искусство, от того, наконец, насколько русскими будут ощущать себя говорящие по-русски. Здесь и возникает вопрос о том, нужно ли защищать русский язык как нацио-, государство- и цивилизационно-образующий? И если нужно, то какую роль в этом играет придание русскому языку статуса государственного?

Государственный среди государственных

Формально конституционный и законодательный статус русского языка очень высок. Конституцией РФ (ст. 68, п. 1) установлено: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык». Однако следует сразу отметить, что этот язык — не единственный имеющий статус государственного: таковыми в современной России являются и языки, принимаемые в качестве государственных во всех субъектах РФ, являющихся государствами, т. е. республиками. В той же статье Конституции РФ (п. 2)

говорится: «Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации». При этом, как будет показано далее, число таких государственно-республиканских языков больше, чем число республик.

Правовой статус русского языка неоднократно закреплялся различными нормативными актами, но здесь я лишь кратко охарактеризую последний из них, а именно — Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (подписан Президентом РФ 1 июня 2005 г.). Этим законом определено, что статус русского языка как государственного языка России, предусматривает *обязательность* его использования в сферах, определенных этим и другими федеральными законами²¹, а так же его *защиту, поддержку и обеспечение права* наших граждан на его использование. Одновременно оговаривается, что обязательность использования государственного языка России не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов России.

Для того чтобы наши граждане могли применить право на пользование русским государственным языком, законом 53-ФЗ предусмотрено получение образования на этом языке во всех государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Но здесь-то и возникает проблема *своеобразной конкуренции государственных языков России, субъектов РФ и родных языков как таковых* (п. 3 ст. 68 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития»).

Ранее упомянутый Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации» в «вводной части» справедливо указывает на то, что «языки народов Российской Федерации — национальное достояние нашего государства, что они находятся под защитой государства и что государство на всей территории России способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия». В соответствии с этим законом Федерация гарантирует *всем ее народам независимо от их численности* равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования *языка общения*, а также языка воспитания, обучения и творчества независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания любого гражданина. При этом в местностях компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, допускается использование в *официальных сферах общения* языка населения данной местности. К сожалению, ни в этом, ни

²¹ Среди них особое место занимает Федеральный закон №1807-1 от 25 октября 1991 г. «О языках народов Российской Федерации», который в настоящее время применяется в редакции федеральных законов № 126-ФЗ от 24.07.1998 г. и № 165-ФЗ от 11.12.2002 г.

в других нормативных актах не установлено, что следует понимать под языками родными и национальными, языками общения, воспитания и т. д.

Отдельный вопрос — образование. В законе о русском языке как государственном указывается, что на этом языке ведется преподавание во всех государственных и муниципальных образовательных учреждениях страны. Но Закон о языках народов России в ст. 9 определяет, что наши граждане имеют *право свободного выбора* языка воспитания и обучения, а также право на получение *основного общего образования на родном языке*, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Это право должно обеспечиваться «созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп, а также созданием условий для их функционирования». Положения, безусловно, правильные, но возникает вопрос об их реализации при новых подходах к финансированию образовательных учреждений (сокращение малокомплектных школ и т. п.) и при необходимости сдачи пресловутого ЕГЭ²².

Сколько же сейчас государственных и официальных языков в России? Анализ регионального законодательства на начало 2012 г. свидетельствует — более сорока. В число государственных языков входят: русский (используется на всей территории страны и в качестве второго государственного языка во всех республиках), адыгейский (Республика Адыгея), алтайский (Республика Алтай), башкирский (Республика Башкортостан), бурятский (Республика Бурятия и Забайкальский край), ингушский (Ингушская Республика), кабардино-черкесский и карачаево-балкарский (Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика), калмыцкий (Республика Калмыкия), язык коми (Республика Коми), ногайский (Карачаево-Черкесская Республика), марийский (Республика Марий Эл), мокшанский (Республика Мордовия), осетинский (Республика Северная Осетия), татарский (Республика Татарстан), тувинский (Республика Тува), удмуртский (Республика Удмуртия), хакасский (Республика Хакасия), чеченский (Чеченская Республика), чувашский (Чувашская Республика), эрзянский (Республика Мордовия), якутский (Республика Саха (Якутия)). По Конституции Республики Дагестан государственными на территории республики являются русский язык и *все* (письменные, — В.Л.) *языки народов Дагестана*: аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский и чеченский. К этому внушительному перечню необходимо добавить языки *официального общения*, используемые в ряде случаев наравне с государственными языками в местах компактного проживания ряда народов: вепсский (Республика Карелия), долганский (Красноярский край и Республика Саха (Якутия)), карельский (Республика Карелия), казахский (Республика Алтай), коми-пермяцкий (Пермский край), мансийский (Ханты-Мансийский

²² Отмечу, что закон о языках народов России позаботился и о неграмотных (подтверждая их наличие в стране некогда поголовной грамотности). В ст. 5 этого закона говорится: «государство гарантирует гражданам осуществление основных политических, экономических, социальных и культурных прав вне зависимости от их знания какого-либо языка, и знание или незнание языка не может служить основанием для ограничения языковых прав граждан Российской Федерации».

автономный округ), ненецкий (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа), финский (Республика Карелия), чукотский (Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ), эвенкийский и эвенский (Республика Саха (Якутия)) и некоторые другие.

Русский язык, объединяя многонациональное сообщество России, сам наполнялся уместно заимствованной речью народов, обитавших в пространстве этой цивилизации. Круг таких языковых ассимиляций был необычайно широк; наиболее разработана эта тема применительно к тюркизмам, о которых в свое время написал чрезвычайно популярные книги Олжас Сулейменов²³. При этом языковое движение было взаимным. В быт нерусских народов вместе со словами русского языка входили его смыслы и понятия, пословицы с их моралитетом и т. п. Русский народ получил не меньше.

Возникают новые проблемы с русским языком и в связи со все более широким и русско-вытесняющим обучением национальным языкам. Традиция школьного обучения на нерусских (национальных, этнических) языках у нас насчитывает почти три века, и в этом отношении Россия была, вероятно, одной из первых. После революции такие школы стали называться национальными, с 1938 г. в них ввели русский язык в качестве обязательного предмета, а в сороковые годы в этих школах начальное (четырёхклассное) обучение шло только на национальных языках, последующие три-четыре года — на двуязычной основе и два последних — только на русском. Но все это было в СССР, в составе которого РСФСР была одной из пятнадцати равных ей по статусу союзных республик и единственной федеративной, включающей много национальных автономий, округов и районов при наличии *единого* государственного языка. Двадцать лет назад ситуация коренным образом изменилась, и в составе России (бывшей РСФСР) появились национальные государства — республики с собственными, как уже отмечалось, государственными языками.

В 2010 г. в России бытовало 239 языков и диалектов, из которых в школах изучали около 90, а на сорока из них велось полное обучение, причем качество его, по оценкам специалистов, не всегда соответствовало общегосударственным стандартам. По данным «Вестника образования» (2008, № 2), из восьми типов наиболее распространенных национальных школ (татарские, башкирские, якутские, чувашские, аварские, марийские, даргинские, тывинские) на три первых приходилось 67% (из них на татарские — 41%). При этом в Республике Татарстан на татарском языке обучение велось в 53% всех школ, а в Республике Тыва — в 80%. Ситуацию комментирует руководитель Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования: «В школах, где преподается какой-либо национальный язык, сокращается количество часов на преподавание русского. Из-за подмены понятия в федеральном и региональных законодательствах о языке, именно русский язык часто оказывается ущемленным. Его статус принижается... Равноправие языков в некоторых регионах понимается как выделение равного количества часов на изучение русского

²³ Культурологические и языковедческие работы этого прекрасного поэта были неодобрительно встречены в ученых кругах, но затем, по моим наблюдениям, правда восторжествовала. Сейчас речь идет о языковых заимствованиях насчитывает сотни наименований.

и национального (родного) языка. В Татарстане, к примеру, абсолютно во всех школах учат татарский язык и татарскую литературу. Причем если русского там четыре часа, то татарского может быть 5 или даже 6, за счет дополнительных часов, которые имеет право вводить республика»²⁴.

Использование русского языка в современном нациестроительстве стремительно сокращается по трем причинам: во-первых, на территории России снижается число русских людей (у них соотношение смертности и рождаемости наихудшее среди всех народов, населяющих нашу страну); во-вторых, сокращается объем изучения и использования русского языка в самой России (второстепенность изучения русского языка и литературы в образовательном процессе, катастрофическое обеднение в связи с этим словарного запаса, ранее отмеченные интенсивная англоязычная и интернет-сленговая языковая экспансия) и, в-третьих, резко уменьшается число русскоговорящих за пределами России (за исключением Белоруссии во всех постсоветских государствах и в странах бывшего СЭВ этот язык фактически вытеснен из официального обращения и вытесняется из системы образования²⁵, задачей же новых русских эмигрантов становится не сохранение родного языка, а скорейшее его замещение — особенно у детей — языком принявшего их государства). Русский язык — единственно возможный языковой объединитель разноязычной России — зримо теряет свои позиции.

Стоит ли напоминать о том, что первый глобальный проект — строительство Вавилонской башни — не состоялся именно из-за языковых проблем?..

²⁴ *Ивойлова И.* На чужом языке // Российская газета. 05.07.2011. Согласно «Справке РГ» к этой статье, хорошо знают родной язык (более 95% населения) тывинцы, даргинцы, ингуши, чеченцы, осетины и татары. Не хотят изучать родной язык 13% евреев, 48% хантов, 37% эвенов, 33% коряков и нанайцев, 23% эвенков.

²⁵ Потеря официально закрепленного статуса русского языка и, главное, возможности нормального языкового общения и образования в последнее время привлекала внимание экспертов в связи с продолжающейся неурегулированностью этого вопроса на Украине, с агрессивным неприятием русского языка в Латвии и Литве, с предложениями об отмене статуса русского языка как одного из официальных языков в Киргизии и с тому подобными акциями.